

И. В. Львова

ДОСТОЕВСКИЙ ИЛИ ДОСТИОФФСКИ? Смысл словесной игры с именем Достоевского в литературе Бит

Достоевский на протяжении более чем полувека остается самым читаемым писателем в США. Рецепция его творчества была неоднородной на протяжении всего периода. Взлет интереса пришелся на пятидесятые годы, время, когда приходило переосмысление мифов о Достоевском (в том числе мифа о Достоевском как выразителе русской души), созданных в 1910-е гг. в Европе, и постижение художественной стороны его творчества.

Интересным аспектом его американской рецепции является специфика существования имени *Достоевский* в другом культурном и языковом контексте.

Как известно, языковой барьер является одним из препятствий для восприятия творчества иноязычного писателя. Звуковой облик имени писателя и его героев зачастую играет роль, о которой русскоязычный читатель и не подозревает. Английский писатель Джеймс Хэрриот с долей юмора сообщает о том, что главной причиной, затруднившей чтение романов Достоевского и повлиявшей на его отношение к писателю, были труднопроизносимые, экзотические имена.¹ Звуковая оболочка слова может пробудить в читателе совершенно неожиданные ассоциации. Например, исследование американского достоевковеда Джеймса Райса «Достоевский и исцеляющее искусство: Эссе по истории литературы и медицины» начинается с курьезного замечания о том, что само имя Достоевского напоминает чихание (видимо, от пыли: Dust-ah-YEFF-skee).²

Однако наиболее любопытные коннотации обретает имя Достоевского в литературе Бит и, в частности, в творчестве одного из самых ярких ее представителей — Д. Керуака.

Движение Бит, неоднородное, противоречивое, стало первым и наиболее влиятельным феноменом молодежной контркультуры, оказавшим воздействие на развитие искусства и литературы в США. Именно поколение Бит выразило духовную потребность молодежи 1950-х гг. в жизни, тяготеющей к интроспекции и самопознанию. Духовные поиски поколения Бит неизбежно должны были привести молодых людей к Достоевскому, писателю, с глубочайшей силой выразившему смятение современного человека, распятого между верой и безверием.

¹ Herriot J. The Lord God Made Them All. Bantam Books, 1981. P. 371.

² Rice J. Dostoevsky and the Healing Art: an Essay in Literary and Medical History. Ann Arbor, Ardis, 1985. P. XIV.

Увлечение Достоевским поколением Бит возникло на волне интереса ко всему русскому. Для поколения Бит Россия была привлекательна своей антибуржуазностью, иным общественным укладом и духовным складом людей, так называемой «русскостью», которая представлялась противоположной чертой национальному складу, получившему название «американизм». Движение Бит воспринималось в обществе как антиамериканское. Даже слово «битник» обрело русский суффикс (по аналогии со словом «спутник»).³ В годы маккартизма и холодной войны интерес к русскому был своеобразным вызовом американскому обществу. Достоевский был прочитан молодым поколением как неконформистский писатель.

Важной особенностью восприятия Достоевского поколением Бит является то, что он становится культовым писателем и культовой фигурой, частью создаваемого мифа о Бит. Знание (пусть поверхностное) творчества Достоевского означало причастность к своему кругу, понимание друг друга. В этой связи характерным представляется разговор К. Соломона и А. Гинсберга, вошедший в своеобразную мифологию поколения Бит. Молодые люди встретились в 1950 г. в коридоре Нью-Йоркского государственного психиатрического института, где оба были пациентами. «— Кто ты? — спросил Карл Соломон требовательно. — Я Мышкин, — ответил Аллен. Карл представился как Кириллов»⁴. Сопоставление себя с героями Достоевского было весьма типичным для молодых людей поколения Бит. Так, например, Керуак в письме Каролин Кэссиди замечает: «Скажи Аллену, чтобы он стал Мышкиным для Рогожина Нила»⁵. Писатель Д. Холмс вспоминает, что они сочиняли целые диалоги за героев Достоевского, идентифицируя себя с ними.

Достоевский получает свое, американизированное имя Дости (Дасти) — *Dusty-what's-his-name*⁶, которое многократно обыгрывается: от Достиофски в книге Керуака «На дороге», до Доестовски из письма к Нилу Кэссиди, где дается словесная игра с именем: «I say, dig doestovsky, die-for-doestovsky, dip-in-doestovsky, deal-for-dusty, love-dusty, holy-dusty, dusty-what's-his-name, dusty-doody, dusty-rusty, dust of my dust and dust of your dust an dust of all dust» («послушай, вчитайся в доестовского, умри-за-доестовского, окунись-в-доестовского, прикоснись-к-дасти, люби-дасти, святой-дасти, дасти-как-его-зовут, дасти-дуди, дасти-расти, прах моего праха, прах его праха и прах их праха»).⁷ В результате имя Достоевского ассоциируется с высказыванием «прах еси» (буквально пыль). Эта игра по характеру тесно примыкает к традиции пародирования тем, мотивов, образов Достоевского, которая станет важной для американской послевоенной литературы.⁸

³ Впервые его употребил в 1958 г. Г. Коэн в «Сан-Франциско кроникл». См.: *San Francisco Chronicle*. 1958. April 2.

⁴ *Johnson J. Minor Characters*. Boston, 1983. P. 76.

⁵ *Kerouac J. Selected Letters (1940-1956)*. N. Y., 1995. P. 428.

⁶ *Ibid.* P. 189.

⁷ *Ibid.* P. 262.

⁸ См., например: Ф. Рот «Жалобы Портного», Д. Ирвин «Мир по Гарпу» и др.

Слово «Достоевский» получает дополнительные коннотации, становится распространенным определением. Появляются выражения: *pinched Dostoevskyan face* (с лицом, как у Достоевского)⁹, *Dostoevskian midnight subway* (полуночная подземка, как у Достоевского)¹⁰. Достоевский ассоциируется с темным, мрачным миром подполья, нищеты, душевного расстройства — миром маргинальным, опасным и привлекательным. Он находится за границами комфортабельно обустроенного мира среднего класса, к которому принадлежали молодые люди Бит. Но именно в этом мире отверженных поколение Бит искало духовную истину. Керуак не устает сравнивать своих друзей с героями Достоевского. Он не только замечает, как в письме к Кэссиди: «У тебя мрачная душа Достоевского (*Dosty*)»¹¹, но и часто употребляет прилагательное *Dostoevskian*, имеющее значение «странный», «мрачный», «безумный», «подпольный», для характеристики друзей: «*Dostoevskian bare Neal*», «*Dostoevskyan Peter Orlovsky*», «*Dostoevskian creature*» (об Эдди Паркер)¹². Для А. Гинсберга Достоевский представляет все русское, прежде всего особый духовный склад: «У Питера Орловски часто было темное русское, в духе Достоевского, настроение»¹³.

Керуак был особенно чуток к звуковому оформлению слова. В его дневниках и письмах рассыпано множество замечаний о художественном мастерстве Достоевского, и звучание слова у Достоевского имело для него огромное значение. Например, в 1950 г. он пишет Нилу Кэссиди: «...книга всегда имеет голос, так у Достоевского безвестный монах в Карамазовых говорит почти шепотом, но читатель слышит мощное звучание великого голоса, доносящегося из глубины»¹⁴. А в дневнике за тот же год замечает: «Между тем, каждый у Достоевского говорит „Гм“ все время внутренне <...> это ключ к его видению человека. — „Гм“ (Что за тайна? Что он имел в виду?) Интересно, а мой звук в „Городке и городе“ — а? (На) Как будто говорю: „как все хорошо идет, но я притворюсь, что ничего не слышу“. На что Дасти отвечает: „Гм“»¹⁵.

Особенность рецепции Достоевского Керуаком состоит в его тенденции мифологизировать личность, творчество и само имя русского писателя, превращая его в часть битнического мифа. В самом знаменитом романе Керуака «На дороге» Достоевский упоминается под именем *Достиоффски*. О нем говорит Реми Бонкур, приятель Сала, героя повествователя в романе. В представлении Реми, Достиоффски вел нищенское существование и был, как и он, бродягой, который «засовывал себе в башмак газеты и нашел свой цилиндр на помойке»¹⁶. Реми называет именем Достиоффски всех

⁹ Kerouac J. *The Origins of the Beat Generation* // Kerouac, Jack. *On the Road*. N. Y., 1979. P. 363

¹⁰ Johnson J. *Minor Characters*. P. 50, 143.

¹¹ Kerouac J. *Selected Letters (1940-1956)*. P. 215.

¹² Ibid. P. 459, 592, 72.

¹³ Ginsburg A. *Spontaneous Mind*. N. Y., 2001. P. 325

¹⁴ Kerouac J. *Selected Letters (1940-1956)*. P. 232.

¹⁵ Kerouac J. *Windblown World. The Journals of Jack Kerouac 1947-1954*. N. Y., 2004. P. 266.

¹⁶ Kerouac J. *On the Road*. N. Y., 1976. P. 69.

неприятных ему людей: управляющего, полицейских и т. д. Таким образом, в романе Достоевский превращается в Достиффского — зловещий, но комический персонаж. Появление «Достиффски» в романе — еще один пример мифологизации Керуаком имени и личности Достоевского.

Пародийное использование имени Достоевского отнюдь не исключает серьезного отношения к нему. Не случайно тот же Реми узнает о Достоевском благодаря Салу, для которого Достоевский — любимый писатель. Да и сам роман «На дороге», как не раз подчеркивал Керуак, написан «как у Достоевского».

Важно отметить, что общая установка писателей Бит, в том числе и Керуака, на демократизацию искусства, их неприятие всякой элитарности привели к «демократизации» и Достоевского, который становится героем и участником жизни Бит, частью мифа о Бит, частью новой молодежной контркультуры. Этот процесс демократизации был одновременно и процессом американизации Достоевского, включением духовного опыта русского писателя в духовную историю страны. Во многом благодаря поколению Бит, американский Достоевский начинает новую жизнь в иной культурной среде, на иной почве. Он не только перестает быть чуждым американцам, а входит в американскую культуру, в том числе и массовую. Культура Бит формирует совершенно новое отношение к писателю. «Приручение» Достоевского шло и через его осмеяние. Поэтому возможными становятся пародии на Достоевского, литературная игра с мотивами, сюжетами его произведений, а также словесные игры с его именем.